

Когда меня не станет...

Смерть всегда неожиданна. Даже неизлечимо больные надеются, что они умрут не сегодня. Может быть через неделю. Но точно не сейчас и не сегодня.

Смерть моего отца была ещё более неожиданной. Он ушёл в возрасте двадцати семи лет, как и несколько известных музыкантов из „Клуба 27”. Он был молод, слишком молод. Мой отец не был ни музыкантом, ни известным человеком. Рак не выбирает своих жертв. Он ушёл, когда мне было восемь лет, и я был уже достаточно взрослым, чтобы скучать по нему всю жизнь. Если бы он умер раньше, у меня не осталось бы воспоминаний об отце и я не чувствовал бы никакой боли, но тогда по сути у меня не было бы папы. И всё-таки я помнил его, и потому у меня был отец.

Если бы был жив, он мог бы подбадривать меня шутками. Мог бы целовать меня в лоб, прежде чем я засыпал. Заставлял бы меня болеть за ту же футбольную команду, за которую болел он сам, и объяснял бы некоторые вещи куда лучше мамы.

Он никогда не говорил мне, что он скоро умрёт. Даже когда он лежал на больничной кровати с трубками по всему телу, он не сказал ни слова. Мой отец строил планы на следующий год, хотя он знал, что его не будет рядом уже в следующем месяце. В следующем году мы поедем рыбачить, путешествовать, посетим места, в которых никогда не были.

Следующий год будет удивительным. Вот о чём мы мечтали.

Думаю, он верил, что такое отношение притянет ко мне удачу. Строить планы на будущее было своеобразным способом сохранить надежду. Он заставил меня улыбаться до самого конца. Он знал, что должно случиться, но ничего не говорил, он не хотел видеть моих слёз.

Однажды моя мама неожиданно забрала меня из школы, и мы поехали в больницу. Врач сообщил грустную новость со всей деликатностью, на которую только был способен. Мама плакала, ведь у неё всё ещё оставалась крошечная надежда. Я был в шоке. Что это значит? Разве это не было очередной болезнью, которую врачи легко могут вылечить? Я чувствовал себя преданным. Я кричал от гнева, пока не понял, что отца уже нет рядом. И я тоже расплакался.

Тут кое-что произошло. С коробкой под мышкой ко мне подошла медсестра. Эта коробка была заполнена запечатанными конвертами с какими-то пометками вместо адреса. Затем медсестра вручила мне одно-единственное письмо из коробки.

– Твой отец попросил меня передать тебе эту коробку. Он провёл целую неделю, пока писал их, и хотел бы, чтобы ты прочитал сейчас первое письмо. Будь сильным.

На конверте была надпись „Когда меня не станет”. Я открыл его.

„Сын!

Если ты это читаешь, значит, я мёртв. Мне жаль. Я знал, что умру. Я не хотел тебе говорить, что произойдёт, я не хотел, чтобы ты плакал. Я так решил. Думаю, что человек, который собирается умереть, имеет право действовать немного эгоистичнее. Мне ещё многому нужно тебя научить. В конце концов, ты ни черта не знаешь. Так что я написал тебе эти письма. Не открывай их до нужного момента, хорошо? Это наша сделка. Я люблю тебя. Позаботься о маме. Теперь ты мужчина в доме.

Люблю, папа.

P.S. Я не написал писем для мамы. Она и так получила мою машину”.

Его корявое письмо, которое я едва мог разобрать, успокоило меня, заставило улыбнуться. Вот такую интересную вещь придумал мой отец.

Эта коробка стала самой важной в мире для меня. Я сказал маме, чтобы она не открывала её. Письма были моими, и никто другой не мог их прочитать. Я выучил наизусть все названия конвертов, которые мне ещё только предстояло открыть. Но потребовалось время, чтобы эти моменты настали. И я забыл о письмах.

Семь лет спустя, после того, как мы переехали на новое место, я понятия не имел, куда подевалась коробка. У меня просто вылетело из головы, где она может быть, да и я не очень-то и искал её. Пока не произошёл один случай.

Мама так и не вышла снова замуж. Я не знаю почему, но мне хотелось бы верить, что мой отец был любовью всей её жизни. В то время у неё был парень, который ничего не стоил. Я думал, что она унижает себя, встречаясь с ним. Он не уважал её. Она заслужила кого-то намного лучше, чем парень, с которым она познакомилась в баре.

Я до сих пор помню пощёчину, которую она отвесила мне после того, как я произнес слово „бар”. Я признаю, что я это заслужил. Когда моя кожа всё ещё горела от пощёчины, я вспомнил, коробку с письмами, а точнее конкретное письмо, которое называлось „Когда у вас с мамой произойдёт самая грандиозная ссора”.

Я обыскал свою спальню и нашёл коробку внутри чемодана, лежащего в верхней части гардероба. Я посмотрел конверты, и понял, что забыл открыть конверт с надписью „Когда у тебя будет первый поцелуй”. Я ненавидел себя за это и решил открыть его потом. В конце концов я нашёл то, что искал.

„Теперь извинись перед ней.

Я не знаю, почему вы поругались, и я не знаю, кто прав. Но я знаю твою маму. Просто извинись, и это будет лучше всего. Она твоя мать, она любит тебя больше, чем что-либо в этом мире. Знаешь ли ты, что она рожала естественным путём, потому что кто-то сказал ей, что так будет лучше для тебя? Ты когда-нибудь видел, как женщина рождает? Или тебе нужно ещё большее доказательство любви? Извинись. Она простит тебя.

Люблю, папа”.

Мой отец не был великим писателем, он был простым банковским клерком. Но его слова имели большое влияние на меня. Это были слова, которые несли большую мудрость, чем всё вместе взятое за пятнадцать лет моей жизни на то время.

Я бросился в комнату матери и открыл дверь. Я плакал, когда она повернулась, чтобы посмотреть мне в глаза. Помню, я шёл к ней, держа письмо, которое написал мой отец. Она обняла меня, и мы оба стояли в тишине.

Мы помирились и немного поговорили о нём. Каким-то образом, я чувствовал, что он сидел рядом с нами. Я, моя мать и частичка моего отца, частичка, которую он оставил для нас на листке бумаги.

Мой отец следовал за мной через всю мою жизнь. Он был со мной, даже несмотря на то, что давно умер. Его слова сделали то, чего больше никто не мог совершить: они придавали мне сил, чтобы преодолеть бесчисленные сложности в моей жизни. Он всегда умел заставить меня улыбнуться, когда всё вокруг выглядело мрачным, помогал очистить разум в моменты злости.

Письмо „Когда ты женишься” очень взволновало меня. Но не так сильно, как письмо „Когда ты станешь отцом”.

„Теперь ты поймёшь, что такое настоящая любовь, сынок. Ты поймёшь, как сильно любишь её, но настоящая любовь – это то, что ты почувствуешь к этому маленькому созданию рядом с тобой. Я не знаю, мальчик это или девочка. Но... получай удовольствие. Сейчас время понесётся со скоростью света, так что будь рядом. Не упускай моментов, они никогда не вернуться. Меняй пелёнки, купай ребёнка, будь образцом для подражания. Я думаю, у тебя есть всё, чтобы стать таким же прекрасным отцом, каким был и я”.

Самое болезненное письмо, которое я когда-либо читал, было также и самым коротким из тех, что отец написал мне. Уверен, в момент, когда он писал эти три слова, отец страдал так же, как и я.

Потребовалось время, но, в конце концов, я должен был открыть конверт „Когда твоя мать умрёт”.

„Она теперь моя”.

Шутник! Это было единственное письмо, которое не вызвало улыбку на моём лице.

Я всегда сдерживал обещание и никогда не читал писем раньше времени. За исключением письма „Если ты поймёшь, что ты гей”. Это был одно из самых забавных писем.

„Что я могу сказать? Рад, что я мёртв.

Шутки в сторону, но на пороге смерти я понял, что мы заботимся слишком много о вещах, которые не имеют большого значения. Ты думаешь, это что-нибудь изменит, сынок? Не глупи. Будь счастлив”.

Я всегда ждал следующего момента, следующего письма, ещё одного урока, которому отец научит меня. Удивительно, чему двадцатисемилетний человек может научить восьмидесятипятилетнего старика, каким стал я.

Теперь, когда я лежу на больничной койке, с трубками в носу и в горле благодаря этому проклятому раку, я вожу пальцами по выцветшей бумаге единственного письма, которое ещё не успел открыть. Приговор „Когда придёт твоё время” едва читается на конверте.

Я не хочу открывать его. Я боюсь. Я не хочу верить, что моё время уже близко. Никто не верит, что однажды умрёт.

Я делаю глубокий вдох, открывая конверт.

*„Привет, сынок. Я надеюсь, что ты уже старик. Ты знаешь, это письмо я написал первым, и оно далось мне легче всех. Это письмо, которое освободило меня от боли потерять тебя. Я думаю, что ум проясняется, когда ты так близок к концу. Легче говорить об этом. Последние дни здесь я думал о своей жизни. Она была короткой, но очень счастливой. Я был твоим отцом и мужем твоей мамы. Чего ещё я мог просить? Это дало мне душевное спокойствие. Теперь и ты сделай то же самое. Мой совет для тебя: не бойся.
P.S. Я скучаю по тебе”.*

Рафаэль ЗОХЛЕР.